

УДК 343.1

**К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Миронова Екатерина Юрьевна

аспирант

Научный руководитель: **Смирнова Ирина Георгиевна**

д.ю.н., профессор

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

Аннотация: в статье анализируются положения международного права и законодательства РФ о неприкосновенности частной жизни, а также возможные случаи ограничения указанного права с учетом происходящих в обществе процессов цифровизации. Рассматривается вопрос о влиянии указанных процессов на реализацию права на неприкосновенность частной жизни в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу о необходимости пересмотра положений уголовно-процессуального законодательства РФ и приведения их в соответствие с актуальным пониманием содержания права на неприкосновенность частной жизни с целью защиты последнего.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, принципы уголовного судопроизводства, права и свободы, цифровизация, цифровые технологии.

**ON THE ISSUE OF PROTECTION OF THE RIGHT
TO PRIVATE LIFE IN CRIMINAL PROCEDURE
UNDER THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION**

Mironova Ekaterina Yurievna

Scientific adviser: **Smirnova Irina Georgievna**

Abstract: the article analyzes the norms of international law and the legislation of the Russian Federation on privacy, as well as possible cases of restriction of this right, taking into account the digitalization of society. The question of the impact of these processes on the realization of the right to privacy in

criminal proceedings is being considered. The author comes to the conclusion that it is necessary to amend the criminal procedure legislation of the Russian Federation to bring it into line with the current understanding of the content of the right to privacy in order to protect it.

Key words: privacy, principles of criminal procedure, rights and freedoms, digitalization, digital technologies.

Человек, живущий в обществе, имеет множество социальных контактов и ролей, практикует разные виды социального взаимодействия. Установление таких внешних связей с другими членами общества всегда оставляет следы в сознании человека (особенно в когнитивной и эмоциональной сферах), на предметах материального мира, которые его окружают, а с относительно недавнего времени на цифровых носителях и сайтах, в социальных сетях и мессенджерах. Чаще всего такие следы представляют собой особенным образом оберегаемую человеком область его жизни, приватность. В равной степени это относится к людям, отличающимся пониженной коммуникативной активностью, ведущим закрытый образ жизни и ориентированным на собственный внутренний мир.

Таким образом, абсолютно у каждого человека вне зависимости от социально-поведенческого типа с началом формирования индивидуального сознания появляются свои тайны, внутренние переживания, очерчиваются границы личного пространства, которое тщательно охраняется его обладателем, активно пополняется новыми событиями частная жизнь, реализуется способность самоопределения, находит выражение личная автономия.

Составляющие частой жизни чрезвычайно многочисленны и многогранны. С наступлением века цифровизации их количество увеличилось, возможностей для проникновения в частную жизнь граждан стало значительно больше, а само право на неприкосновенность частной жизни стало уязвимым как никогда ранее.

С точки зрения права, частная жизнь человека неприкосновенна. Это правило находит нормативное закрепление в международном праве и национальном праве большинства государств. Так, согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Сходные по смыслу нормы содержатся в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 9 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, ч. 2 ст. 8, ст. 16 Конвенции о правах ребенка, ст. 22 Конвенции о правах инвалидов и других актах международного права. Таким образом, очевидным является признание права на неприкосновенность частной жизни международным сообществом [1, с. 105], единообразие понимания содержания этого права, а также существование прочной международно-правовой основы для защиты приватности.

С учетом новых реалий, являющихся результатом внедрения в повседневную жизнь прогрессивных технологий, особую значимость приобретает Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, заключенная в Страсбурге 28.01.1981 г. К слову, 10.10.2018 г. был подготовлен Протокол о внесении изменений в указанную Конвенцию, которые требуют обсуждения и одобрения государствами-членами. В частности, предлагаемые изменения обусловлены процессами глобализации передачи персональных данных, требующих контроля со стороны человека [2].

В национальном законодательстве Российской Федерации наиболее значительный юридический вес в аспекте закрепления права на приватную жизнь имеют, безусловно, конституционные нормы (ст. 23–25 Конституции РФ). Среди федеральных законов, которые регулируют правоотношения по обеспечению права на неприкосновенности частной жизни, а также регламентируют возможность ограничения указанного права следует назвать Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (ст. ст. 63, 64), Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» (ст. 15), Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ст. ст. 9, 16), Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. ст. 5, 6), а также ст. 152.1. Гражданского кодекса РФ, ст. 3 Жилищного кодекса РФ, ст. ст. 137–139 Уголовного кодекса РФ и др.

Особое место в сфере нормативного регулирования права на неприкосновенность частной жизни занимает Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ), поскольку в уголовном судопроизводстве чаще, чем в какой-либо иной сфере совершается вторжение в частную жизнь, существенным образом ограничиваются базовые права и свободы человека.

Таким образом, федеральное законодательство РФ в области установления, охраны и ограничения права на неприкосновенность частной

жизни отличается пространностью и охватом большого количества сфер правового регулирования, что, увы, не свидетельствует о повышенном уровне гарантий соблюдения и защиты указанного права.

УПК РФ в числе принципов уголовного судопроизводства, направленных на защиту основ приватной жизни граждан, называет уважение чести и достоинства личности (ст. 9), охрану прав и свобод человека и гражданина (ст. 11), неприкосновенность жилища (ст. 12), а также тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13).

Вместе с тем, атрибутом отдельных следственных действий неизбежно и необходимо является вторжение в частную, зачастую интимную, сферу жизни человека. Например, при производстве обыска (ст. 182 УПК РФ), выемки (ст. 183 УПК РФ), личного обыска (ст. 184 УПК РФ), наложении ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ), контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Однако по верному замечанию И.В. Смольковой, М.С. Дунаевой, сведения частного характера могут быть получены не только в ходе производства следственных действий, но и, например, при наложении ареста на имущество [3, с. 186].

В то же время, современные цифровые ресурсы дают правоохранительным и судебным органам возможность, не утруждаясь производством следственных и иных процессуальных действий, на законных основаниях добывать огромные пласты информации, способной возыметь значение для уголовного дела.

Уже сейчас города оснащены огромным количеством камер слежения, персональные данные человека запрашиваются едва ли не каждым сайтом, который он посещает, и, практически каждой организацией и учреждением, в которые он обращается, cookies-файлы, предназначенные для запоминания человека, его личной информации, интересов и предпочтений, логинов и паролей, в прямом смысле не дают прохода на сайты и в приложения, всё чаще последние навязчиво рекомендуют оставить пользователю свой отпечаток пальца для быстрого входа в приложение или записать свой голос для оперативного распознавания личности, люди массово подвергаются спам-атакам.

И всё это, как и многое другое, уже стало повседневной реальностью, а ведь на данный момент еще не внедрена концепция «Умный город», которая

предположительно должна найти повсеместное воплощение в жизнь в ходе реализации Федерального проекта «Цифровое государственное управление», являющегося частью Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [4].

Стоит отметить, что полноценная реализация данного Федерального проекта возможна лишь при одновременном проведении в жизнь другого Федерального проекта с нашумевшим и известным, и одновременно с тем таящим в себе неизведанность и большие риски, названием – «Искусственный интеллект» [5].

Частью «Умного города» должно стать внедрение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (рис. 1), подразумевающего, кроме прочего, осуществление тотального непрерывного контроля за людьми с помощью круглосуточного видеонаблюдения, датчиков, системы ГЛОНАСС и других средств контроля и слежения. При этом планируется задействование целого комплекса «сквозных» цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные, робототехника, технологии беспроводной связи, интернет вещей и др.

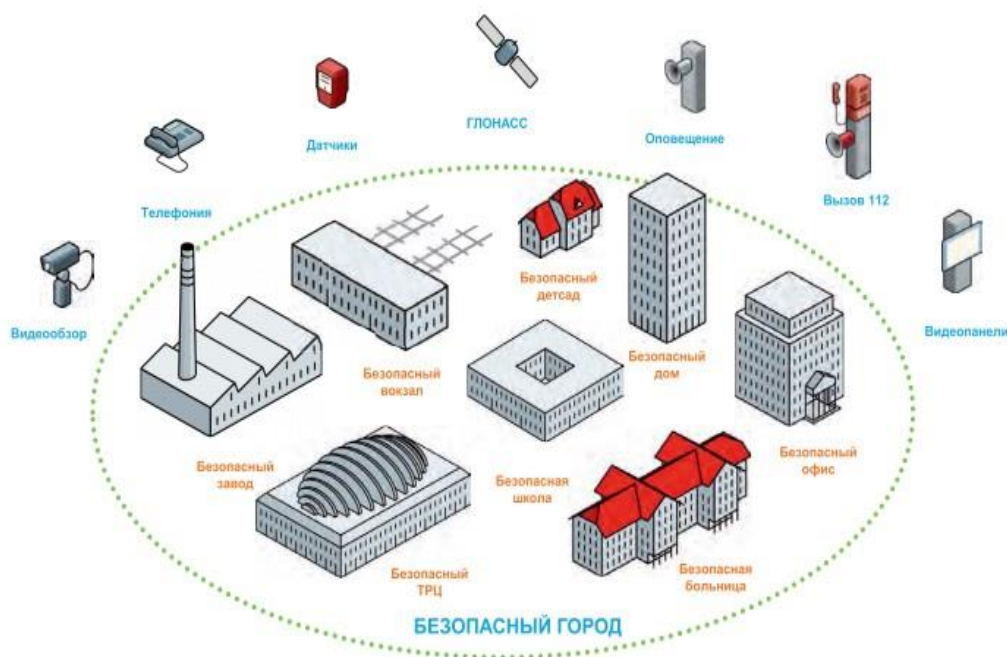


Рис. 1. Схема Аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»

Все перечисленное подтверждает важность положений Доклада Верховного комиссара ООН по правам человека «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век», представленного 3

августа 2018 г. во исполнение Резолюции 34/7 Совета по правам человека ООН (А/HRC/39/29) [7], в котором подняты самые злободневные глобальные вопросы защиты приватной жизни.

Наряду с указанием в Докладе на обязанность государств соблюдать и защищать право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век, на ответственность государств в этой сфере, признаются и описываются возможные посягательства государств и коммерческих организаций на приватность, усматриваются тенденции к расширению использования личных данных правительствами и компаниями. А именно, последние используют все больше информации о частной жизни людей, регулярно обмениваются этими данными, внедряют системы сбора и использования биометрических данных, таких как ДНК, лицевая геометрия, голос, отпечатки пальцев, узор сетчатки и радужной оболочки глаза. Государства также «уличены» в применении таких методов как, тайное массовое слежение, перехват взаимодействий между физическими лицами, сбор, хранение и анализ данных о всех пользователях в рамках широкого круга средств коммуникации (например, электронная почта, телефонные и видеозвонки, текстовые сообщения, посещаемые веб-сайты); старательно и методично предпринимаются попытки ослабления технологий шифрования и ограничения анонимности [7], что также неблагоприятным образом сказывается на защите конфиденциальности данных пользователей и ставит под серьезную угрозу реализацию права на неприкосновенность частной жизни.

Действительно, такие свидетельства мы находим и в повседневной жизни, и в новеллах законодательства.

Так, в 2016 г. в России, благодаря так называемому «пакету Яровой», стало не только возможным, но и необходимым в целях обеспечения общественной безопасности, хранение операторами связи до полугода текстовых сообщений, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных сообщений пользователей. Требование обеспечения сохранности касается и фактов приема, передачи, доставки и (или) обработки указанных данных. Срок хранения этой информации может достигать трех лет. Более того, (и как представляется, это то, ради чего и создавалась приведенная выше норма) указанные сведения и иную информацию операторы связи обязаны предоставлять по требованию правоохранительных органов (ст. 13 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления

дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»).

Иными словами, в правовом, социальном, бытовом аспектах, неприкосновенность частной жизни граждан настолько относительна, что это вызывает серьезную обеспокоенность самих граждан, научной общественности, правозащитных организаций, международного сообщества и иных заинтересованных лиц.

Однако, на закреплении возможности правовыми средствами ограничивать право граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, законодатель не останавливается, целенаправленно следуя по пути дальнейшего ущемления права на неприкосновенность частной жизни. Так, в 2021-2022 гг. в сфере сбора и использования биометрических данных произошли сразу несколько знаковых правотворческих события:

24 декабря 2021 г. Правительством РФ принято Постановление № 2459 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2011 г. № 451», в соответствии с которым Единая биометрическая система и Единая цифровая платформа подписания и хранения документов стали частью «электронного правительства» [8, с. 141].

15 июня 2022 г. было принято Постановление Правительства РФ № 1066 «О размещении физическими лицами своих биометрических персональных данных в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица», которое закрепляет свод правил, предполагающих, кроме прочего, внедрение элементов онлайн-контроля гражданами движений собственных персональных данных.

16 июня 2022 г. – Постановление Правительства РФ № 1089 «Об утверждении Положения о единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица».

14 июля 2022 г. были приняты два важных федеральных закона, регламентирующих сбор, обработку и хранение персональных данных: Федеральный закон № 325-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14 и 14.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусматривает внесение биометрических персональных данных в единую

биометрическую систему без получения согласия их носителя, и Федеральный закон № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности».

Таким образом, в действующей редакции ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», содержащей норму о биометрических персональных данных, имеет место положение о том, что обработка последних может осуществляться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией международных договоров РФ о реадмиссии, в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации, и в случаях, предусмотренных законодательством РФ об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-разыскной деятельности, о государственной службе, уголовно-исполнительным законодательством РФ, законодательством РФ о порядке выезда из РФ и въезда в РФ, о гражданстве РФ, законодательством РФ о нотариате.

Даже буквальное (не расширительное) толкование приведенной нормы обнаруживает практически безграничные возможности государства в беспрепятственном получении доступа к биометрическим персональным данным граждан.

В контексте рассматриваемых вопросов занимательными представляются статистические данные, опубликованные Российским интернет-изданием 3DNews Daily Digital Digest, согласно которым в первой половине 2022 г. специалисты экспертно-аналитического центра InfoWatch зарегистрировали в мире 2101 утечку данных с ограниченным доступом, что на 93,2 % превосходит показатель за аналогичный период прошлого года. По России число инцидентов за I полугодие 2022 г. достигло 305 – на 45,9 % больше, чем в прошлом году. В целом в России количество единиц похищенной информации за I полугодии 2022 г. увеличилось сразу в 16,75 раз, достигнув 187,6 млн записей [9].

С учетом проведенного анализа, всё более в сознании укореняется мысль о необходимости пересмотра положений УПК РФ о праве на неприкосновенность частной жизни, и такая мысль подкрепляется мнениями других исследователей этой проблематики.

Так, например, И.А. Филипова полагает, что внедрение передовых цифровых технологий в судопроизводство требует выделения новых процессуальных прав [8, с. 144]. Возможно, в обновленном перечне прав

участников уголовного судопроизводства появится право на защиту персональных данных от необоснованного вмешательства правоохранительных и судебных органов, право на отказ в предоставлении биометрических персональных данных, право на отзыв согласия на обработку биометрических персональных данных.

Если несколько абстрагироваться от уголовного судопроизводства и обратиться к основным (конституционным) правам, свободам и гарантиям человека, то их перечень в условиях цифровизации общества мог бы пополниться правом на безопасную цифровую среду, правом на осуществление контроля (в том числе, в режиме реального времени) за движениями персональных данных (количеством запросов на сбор личной информации, характером собираемых, обрабатываемых и сохраняемых сведений о человеке и др.), гарантией обеспечения государством и организациями конфиденциальности персональных данных.

При описываемом положении вещей, должно быть, назревает необходимость регламентации в УПК РФ положений о защите персональных данных участников уголовного судопроизводства и о недопустимости необоснованного сбора, обработки и хранения персональных данных в качестве принципов (пусть даже в отдаленной перспективе). В этом контексте разумной представляется идея, высказываемая М.С. Дунаевой, согласно которой законодателю следовало бы обозначить неприкосновенность частной жизни в числе принципов уголовного судопроизводства, объединив в нем разные составляющие, связанные с защитой приватности [10, с. 23], включая те его элементы, которые появились или появляются в связи с цифровыми преобразованиями как в обществе в целом, так и в уголовном процессе, в частности. Это соответствовало бы и современному пониманию неприкосновенности частной жизни в международном праве с учетом тех изменений, которые продиктованы веком цифровизации.

Примечательно, и в то же время закономерно, что с изменением (усовершенствование) определенных областей общественной жизни, релевантные метаморфозы претерпевает и право. Так и право на неприкосновенность частной жизни в условиях энергично набирающей обороты цифровизации приобретает иное наполнение и небывалую актуальность. Учитывая упомянутую выше способность уголовного судопроизводства всерьез и основательно проникать в приватную жизнь граждан в определенных законом случаях, право на неприкосновенность частной жизни в этой сфере в условиях цифровизации требует особенно тщательного анализа и пересмотра на законодательном уровне. Причем такое требование обусловлено не только современными цифровыми веяниями, но и активизацией международных организаций в вопросе необходимости

обеспечения как можно более высокого уровня защиты права на неприкосновенность частной жизни человека государствами.

Список литературы

1. Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 103-118.
2. Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 223). Страсбург, 10.10.2018. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=223> (дата обращения: 17.12.2022).
3. Смолькова И. В., Дунаева М. С. Основания вмешательства правоохранительных органов и суда в частную жизнь граждан: уголовно-процессуальный аспект // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 184-192.
4. Федеральный проект «Цифровое государственное управление». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 19.12.2022).
5. Федеральный проект «Искусственный интеллект». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1046/> (дата обращения: 19.12.2021).
6. Схема Аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». Ситуационный центр ЕЦОР в Екатеринбурге. URL: <http://dialog-e.ru/company-news/454/> (дата обращения: 20.12.2022).
7. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 3 августа 2018 г. (A/HRC/39/29). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/239/60/PDF/G1823960.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.12.2022).
8. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. 275 с.
9. В России резко участились кражи персональных данных – число похищенных записей превысило население страны. 17.08.2022. URL: <https://3dnews.ru/1072346/v-rossii-rezko-uchastilis-kragi-personalnih-dannih-chislo-pohishchennih-zapisey-previsilo-naselenie-strani> (дата обращения: 17.12.2022).
10. Дунаева М. С. Неприкосновенность частной жизни как принцип уголовного судопроизводства Российской Федерации: сущность, содержание, основные гарантии // Baikal Research Journal. 2013. № 1. С. 23-27.